

А. П. Садохин²

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России регионализм и локальный национализм не являются предметом активного изу-

² Профессор кафедры управления информационными процессами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Языковая политика или лингвистический национализм» (в соавт.), «Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации», «Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики Российской Федерации» (в соавт.), «Идеология и практика регионального национализма в современной России» (в соавт.), «Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России» (в соавт.), «Этнополитические процессы в современной России: практики и ресурсы» и др.

чения, хотя в огромной по территории и культурному разнообразию стране такие явления объективно неизбежны. Поэтому нам представляется необходимым обратить пристальное внимание на регионализм вообще и особенно на его идейные конструкции, на основе которых формируется местный национализм.

Различные зарубежные исследователи справедливо называют регионализм одним из основных направлений современной политической модернизации, в связи с этим наше внимание направлено на различные формы проявления регионализма. В этом вопросе нами анализируются идеология и практика регионализма и его возможности как инструмента политической и социальной мобилизации. Второй аспект, который неизбежно требует анализа, когда мы затрагиваем проблему инструментов политической и соци-

альной мобилизации, — это этничность. При этом мы рассматриваем этничность не как феномен культуры, не как культурную категорию, а как политический ресурс и инструмент местного национализма.

Дело в том, что российская политическая практика указывает не только на тесную связь между двумя данными категориями, но и на то, что идеология регионалистских движений зачастую успешно трансформируется в идеологию этнического национализма. Так, например, казачье движение, первоначально возникшее как региональное движение юга России, довольно быстро трансформировалось в этническое движение и термин «казак» из названия сословия превратился в этническую категорию, поскольку во время двух последних переписей населения десятки тысяч сторонников казачьего движения в графе национальность переписных листов указали именно «казак», воспринимая бывшее сословное наименование как этноним.

Как показывает современная практика развития этнополитических процессов в России, регионалистские движения одновременно могут как служить проводниками сепаратизма, так и выступать в поддержку вполне рациональных идей. Наиболее очевидные сепаратистские настроения на европейском севере России характерны для регионалистов Карелии, в риторике которых тема колониальной политики федеральной власти в отношении региона занимает видное место. Регионалистское движение «Свободная Карелия» время от времени у резиденции главы республики проводит пикеты с требованиями прямых общенародных выборов нового лидера, регистрации местных партий, сокращения перечисляемых федеральному центру налогов и даже избавления от кремлевской вертикали.

Очевидно, что любые региональные движения должны формироваться как выразители интересов местного населения. Эти интересы многогранны, но из них наиболее значимы экономические. Для рядового гражданина или предпринимателя важны состояние рынка труда, уровень цен и доходов, система налогообложения и тарифов, условий ведения бизнеса и т. д. Здесь наблюдаются вполне очевидные диспропорции, связанные с тем, что большая часть промышленного потенциала находится в регионах, а почти весь финансовый капитал сосредоточен в Москве; основная часть национального богатства производится за пределами столицы, а крупнейшим налогоплательщиком является именно Москва, поскольку штаб-квартиры крупнейших корпораций размещены там и значительную долю налогов они выплачивают не в местные бюджеты, а в бюджет столицы.

Формирование вертикали власти привело к тому, что, помимо капитала, в Москве сконцентрирован и почти весь властный потенциал, поскольку роль местных политических элит и политическое влияние населения регионов крайне ограничено. Целью такой концентрации было стремление к искоренению сепаратистских настроений среди региональных лидеров, но достигнута она лишь отчасти, поскольку должного контроля за региональными и национальными элитами нет, а кроме того, более важно контролировать общественные настроения, поскольку именно они яв-

ляются основой для формирования идеологии регионализма.

Однако для возникновения и усиления местного национализма и сепаратизма важно не только опираться на экономический эгоизм и здоровые экономические интересы местного населения, но и формировать идеологию, которая доказывала бы, что жители данного конкретного региона «другие», что они культурно отличаются от остального населения страны. И тогда названные нами экономические диспропорции будут восприниматься не как проблемные сферы в отношениях между центром и периферией, а как проявления дискриминации в отношении местного населения со стороны федеральных властей.

Для понимания роли культурной составляющей в возникновении регионального национализма можно сослаться на два примера, а именно — Уральской Республики и Татарстана.

Уральская Республика просуществовала 131 день, а ее создание является крупнейшим регионалистским проектом в постсоветской России. Свердловский облсовет объявил о создании Уральской Республики 1 июля 1993 года, но это решение было вполне легитимным, поскольку на всероссийском референдуме в апреле 1993 года одновременно был проведен опрос населения области и 83,4 % принявших в нем участие высказались за то, чтобы Свердловская область была приравнена к республикам в составе Российской Федерации. В ноябре того же года Президент РФ Б. Ельцин издал указ о роспуске Свердловского облсовета и отмене его решений. Такой шаг федеральных властей был связан с тем, что уральский прецедент рассматривался как региональный сепаратизм.

Наоборот, в Татарстане местный национализм и сепаратизм изначально опирались на идеи культурной отличительности. Там регионалистское движение с начала 1990-х годов приобрело характер националистического. Среди крупнейших организаций следует назвать учрежденный в 1989 году Татарский общественный центр, созданные в 1990 году Татарскую партию национальной независимости «Иттифак», Союз молодежи «Азатлык», учрежденный в 1991 году Милли Меджлис. В идеологии всех этих организаций говорилось об особом статусе и пути Татарстана.

Можно утверждать, что идеология этнического национализма может стать идеологической основой реальных сепаратистских движений, поскольку одна лишь местная экзотика не является мощным политическим ресурсом. В основе этнического национализма лежат принцип соотношения этнических и политических границ и претензии на то, что каждое этническое сообщество вправе обладать собственной государственностью.

В контексте рассматриваемого вопроса более пристального внимания заслуживает идея поморского регионализма. Региональная архангельская элита выдвинула идею превращения Архангельска в экономическую и культурную столицу Европейского Севера России и объединения вокруг него других северных регионов. Довольно быстро «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе

и стала обретать культурное содержание. Оно состояло в культурном противопоставлении населения Европейского Севера и его культурных и политических традиций Москве и «московской тоталитарной политической традиции». Значительный стимул к развитию поморского движения дали итоги переписи населения 2002 года, которые показали, что поморская идентичность вполне реальна и может быть зафиксирована статистически. Тогда поморская идея стала обретать четкие контуры этнополитического концепта, на основе которого формировались и соответствующие организационные структуры.

В противовес идее широкой интеграции на европейском севере есть другие регионалистские идеи и движения, которые, напротив, ориентированы на локальный сепаратизм и противостояние с местными региональными элитами. Речь идет о явлении, которое у западных исследователей получило наименование «локализм». В Архангельской области примером тому является важское движение, главная идея которого состоит в тесной интеграции южных районов области с северными районами Вологодской области. Клановость и неэффективный политический менеджмент, которые были характерны для руководства Архангельской области в последние годы, породили оппозиционные настроения как среди местных интеллектуалов, так и среди политической элиты.

Так, в конце апреля 2009 года главы пяти районов Архангельской и Вологодской областей заявили о начале процесса общеважской интеграции. Еще начиная с конца 1980-х годов идея общеважской солидарности стала возрождаться благодаря усилиям разрозненных краеведов из разных районов, а в середине 1990-х ее официально провозгласили ключевой в своей программе члены движения «Важский край».

Действительно, Архангельская область не является неким функциональным регионом, где основные производители объединены в рамках тесной производственной кооперации и взаимодополняют друг друга. Здесь совершенно очевидно сложились два центра промышленного развития, которые оттягивают на себя финансовые, людские и прочие ресурсы: на севере — это городская агломерация Архангельск–Северодвинск, на юге — Котлас–Коряжма. Интересы развития других районов области учитываются мало, и они вынуждены искать собственные варианты стимулирования экономического и социального развития. Отсюда возникли идеи объединения экономических потенциалов близле-

жащих регионов, ориентации на местный патриотизм и историческую память.

Другой формой местного сепаратизма стало возрождение локальных этнонимов и формирование локальных этнических движений, противостоящих общенациональным. Особенно активно эти процессы происходили с начала 2000-х годов. Хронологически они впервые дали о себе знать еще в начале 1990-х, хотя тогда их воспринимали как некое политическое недоразумение.

Начало процессу фрагментации этнонациональных движений, возрождения и конструирования этнических идентичностей положили требования активистов бесермянского движения, объединившихся в «Общество бесермянского народа», предоставить особый статус бесермянам, которых после 1926 года называли исключительно удмуртами. В 1992-м был принят указ Президиума Верховного Совета Удмуртии «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», согласно которому бесермянам, проживающим на территории Удмуртии, был предоставлен статус особой народности. Перепись населения 2002 года не только зафиксировала возрождение этнонима «бесермяне», но и подтвердила, что данное этническое сообщество существует как статистическая реальность.

В общем и целом регионализм и этничность как политические ресурсы и инструменты в настоящее время имеют большой потенциал и неизбежно будут присутствовать в той или иной степени в региональной политике и в дальнейшем. В последние годы в регионах наблюдалось очевидное смещение политических интересов населения в пользу решения местных проблем, а потому в противовес собственно регионалистским движениям и идеям усиливалось значение локальных этнических и региональных организаций и движений. Это вполне объяснимо, поскольку ни федеральные, ни региональные власти не в состоянии существенно изменить социально-экономическую ситуацию на местах, а региональные и местные лидеры в большинстве своем исчерпали кредит доверия населения. В связи с этим необходимо не столько осуществлять административное и политическое давление на регионалистские движения и идеи, сколько переориентировать их деятельность в русло решения актуальных местных проблем. Тогда эти движения не будут нести угрозу усилению сепаратизма, но станут еще одним политическим инструментом, который можно целенаправленно использовать для усиления интеграционных процессов в российском обществе.